

УДК 94(47) "1804/12"

**НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ С ПРАВОГО РАКУРСА
(ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АКТИВИСТ АЛЕКСАНДР ПОЛЕВ)**

© 2015 г.

М.В. Белов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

belov_mihail@mail.ru

Поступила в редакцию 29.12.2014

Суждения провинциального активиста Александра Полева накануне 1812 г. карикатурно обнажают воззрения части ранних русских консерваторов. Обратной стороной в конструировании «народной войны» была конструкция мирового заговора, направленного на унификацию различий и подчинение универсальным абстракциям философов-просветителей. Призраки тотальной войны, в свою очередь, склоняли к популизму во имя всеобщей мобилизации.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, ранние русские консерваторы, теория заговора, Александр Полев.

Наполеоновские войны (1803–1815), ставшие своеобразным продолжением революционных войн (1792–1802), относятся к военным конфликтам общеевропейского масштаба, и хотя бы в одном аспекте – в противостоянии между Англией и Францией в борьбе за колониальную гегемонию – совпадают по смыслу с мировыми войнами XX века. Характер наполеоновских войн, стимулировавших буржуазное обновление континента и национальное «пробуждение» в ряде его регионов, до сих пор остается дискуссионным вопросом историографии (см. например: [1–3])¹. Однако осмысление характера борьбы в рамках конструирования ее целей, в том числе на идеологическом уровне (для пропагандистского и мотивационного обеспечения мобилизации), происходило уже непосредственно в период военного противостояния. Хорошо известно, что в ходе «наполеоновских войн» противоборствующие стороны прилагали немало усилий по их пропагандистскому обеспечению. В.Г. Сироткин применил к этому феномену вполне адекватное времени понятие «война перьев» [5–6]. Историки ранее писали о пропагандистской, идеологической или идейной борьбе, а ныне иногда пишут и об «информационной войне» применительно к событиям более чем двухвековой давности [7].

Исследование идеологических тенденций в Александровскую эпоху породило значительный объем работ, конечно разных по качеству, но, тем не менее, следует говорить о значительном приросте знания, в частности о консервативной мысли этого периода. Целый ряд исследований в последние десятилетия были посвящены С.Н. Глинке и Ф.В. Ростопчину, не угаса-

ет интерес и к другим фигурам: А.С. Шишкову и Н.М. Карамзину [8–13]². Значительно улучшились и наши представления о церковно-религиозных и мистических исканиях так называемых православных консерваторов и их оппонентов с экуменистическим оттенком в воззрениях [15–16].

Ко времени третьей и четвертой антинаполеоновской коалиции или же сразу после Тильзита говорят о формировании так называемой «русской партии» [17] – противниках примирения с Францией, разыгрывающих карту русского патриотизма или национализма. Исследователи, применяющие этот термин к мышлению начала XIX века вынуждены оговариваться, что этот национализм имел поправки на мультиэтничный характер Российской империи и династический принцип³.

Сценарий пропагандистской мобилизации был написан еще в 1805–1807 гг. и затем был, по сути, продублирован в 1812-м. В литературе проанализированы как правительственные усилия в этом отношении, организационные основы и стратегические и тактические модели пропаганды, так и усилия вольных консерваторов, которые в это время, как, например, тот же граф Ростопчин, могли находиться в опале или не у дел. Последний вступал в полемику с властями, адресуя критические письма лично императору. Здесь нет возможности анализировать разногласия штатных и внештатных бойцов этой бумажной войны. Однако правительственная пропаганда во многом заимствовала идейный и кадровый ресурс консерваторов накануне и в ходе кампании 1812 г., о чем прекрасно известно⁴.

Между тем уже в критический для четвертой коалиции момент разгрома Пруссии православ-

ный синод анафемствовал Наполеона как «антихриста» и «лжемессию», «дерзающего против Бога и России». Эти увещания адресовались, конечно, низам, но они, как мы увидим далее, в чем-то совпадали и с манихейскими воззрениями более образованных консерваторов. В том же году чуть ранее был издан указ Сената «О высылке из России всех подданных французских». Французские учителя должны были дать присягу в том, что прекратят контакты с подданными Французской империи и ее союзников, а также получить поручительство в благонадежности от уважаемых доверенных лиц. Кстати, Ростопчин считал эти меры недостаточными и предлагал царю выслать всех поголовно, кроме священников, поскольку они – это «сонмище ухищренных злодеев, коих пагубное влияние губит умы и души несмыслящих подданных Ваших» [9, с. 61–80; 11, с. 104–107].

Вероятно, отправным текстом для внештатных пропагандистов «русской партии» стали «Мысли вслух на красном крыльце» того же Ростопчина. Первоначально они распространялись в списках, а затем в 1807 г. были изданы дважды накануне Тильзитского примирения. Написанные в лубочно-фольклорном стиле, «Мысли» Ростопчина открыли новую страницу в русской риторической прозе и стали основой для многих подражаний. В них, безусловно, присутствует идея всемирного заговора безбожных французов, которые вознамерились растлить с помощью мод, романов, философских идей и т.д. саму русскую душу, но этот заговор утрачивает зловещий характер, поскольку для борьбы с ним предлагались фарсовые методы в духе петрушечного театра: «Господи помилуй! да будет ли этому конец? долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: “Сгинь ты, дьявольское наваждение! ступай в ад или восвояси, все равно – только не будь на Руси”» [21].

Как подчеркнуто многими исследователями, начиная с Ю.Н. Тынянова, для «старших архаистов», в отличие от младших, характерно единство культурно-языковой и политической модели. Архаизации языка соответствовала патриархально-консервативная культурная и политическая программа (см., например: [22]). Впрочем, это не мешало им самим оставаться людьми французской культуры Старого порядка, и, с другой стороны, выискивать способы филантропического излечения язв крепостничества.

Борьба с французской заразой продолжалась и в условиях тильзитского примирения, однако в цензурном отношении она была ограничена

нападками на моды и философов, которые исподволь способствуют разложению нравов и обессиливают Россию перед лицом будущих сражений. Главным рупором подобной пропаганды стал, как известно, «Русский вестник», содержание которого теперь весьма подробно изучено, как и его основная аудитория – мелкопоместное провинциальное дворянство.

Типичным представителем этой среды был следующий персонаж, о котором у нас пойдет речь, – отставной майор Александр Полев⁵. Военную карьеру он оставил еще при Павле I и осел в Малороссии. Начало войн с Наполеоном и активизация русских консерваторов побудила Полева взяться за перо, а после Тильзита он отправился покорять столицы, в 1808-м жил в Москве, а в 1809–1811 гг. – в Санкт-Петербурге. Как свидетельствует сам автор, в 1806–1811 гг. он отослал 17 своих сочинений Александру I и его сановникам⁶. Помимо царя, Полев адресовал рукописи и записки министрам полиции и сухопутных сил, а также главному квартирмейстеру (начальнику генерального штаба) П.М. Волконскому. Активность Полева нарастала по мере усиления противоречий в союзнических отношениях с Францией после 1809 г.; с другой стороны, в них увеличивается доля практических советов: предложений по перекройке политической карты Европы и планов военных действий.

Хотя Полев, конечно же, не был литератором в истинном смысле этого слова (литературная форма некоторых сочинений целиком наполнена идеологическим содержанием), его можно однозначно причислить к сторонникам так называемых «архаистов» или «славенофилов», лидером которых считался адмирал Шишков, но особенно велико влияние на Полева «Русского вестника» Глинки. Однако поскольку Полев предназначал свои опусы не для печати, а для правительственных сановников (и самого царя), а также потому, что провинциальная выучка не предполагала особого изящества слога и мысли, расхожие консервативные и галлофобские идеи высказаны им предельно грубо и откровенно⁷. Параноидальная «философия истории» Полева развивала тезисы антинаполеоновской пропаганды рубежа 1806–1807 гг. и карикатурно обнажала воззрения какой-то части ранних русских консерваторов, в том числе их просветительскую подоплеку [27].

В основе этой идеологической модели – гедонистически-эгалитарная версия «общего блага»: «Все мы желаем продолжения бытия и наслаждения оным, и соединение людей в обществе есть первым к тому средством, чтоб сохранить бытие; и благосостояние оного есть

первым средством наслаждения оным, – провозглашает Полев. – <...> Теперь самый разум доказывает, что нет различия в качестве между государством, обществом и семейством, городом и домом, как только в количестве.

И посему если окружается государство, город и дом опасность есть одина, плена, разграбления и смерти: только в доме окружаемые могут погибнуть через час или через четыре, в городе... через месяц или через четыре, государство окружаемое... через год или через четыре года» [25, ч. 7, л. 2–2 об.; отточия в тексте источника]⁸. Ныне государство Российское находится в окружении «царством всемирным», то есть Наполеоновской империей – со стороны Швеции, Польши, Германии, Турции, Персии. «Общие сокровища наши истощены; а собственные, коими мы приобретаем общие, запорты...»; тем временем «братья» всемирного царства разлагают Россию изнутри увещаниями о бесполезности борьбы и упованиями на дружбу с ним, но это «...то же, что уповать на зубы зверя... и ожидать от них милосердия» [25, ч. 7, л. 3].

Полев был не чужд восприятию себя как народного мессии: «Я оставлен, ... и учинился убог, нищ, удален от очей АВГУСТЕЙШЕГО моего ГОСУДАРЯ, прирекавшего мне некогда свое о мне благоволение, ... и 10 лет безропотно покорялся року, поражающему меня; но вера моя и верность... убогого меня и наименьшего из сынов твоих побудила... и привела чрез тысячи расстояний, ... чрез миллионы собратии моей, ожидающей только, когда повелит поражать врагов наших» [25, ч. 7, л. 3 об.]. Полев ссылается на пример сражающейся Испании, недовольство немцев, итальянцев и предрекает грядущее торжество России. Последующая часть «приношения» Полева [25, ч. 7, л. 4–22] представляет собой сокращенную версию его сочинения «Дух русского народа в конечной обороне»; он разбит на главы и параграфы.

Ключевой тезис (с ним согласились бы все напитавшиеся руссоизмом консерваторы) заключается в том, что любовь к отечеству – самая естественная и необходимая жизненная потребность. Народ оказывается источником если не власти, то стабильности и прочности порядка: «§ 4. Состав обществ людских в языках каждого племени содержится верою, нравственностью и господствующими мнениями в народе, о богатстве, силе и достоинстве оного во вселенной. Происходящими 1) от великих добродетелей и дел их родоначальников, укорененными 2) от подражания оным последовавшим им правителей, усиливаемыми 3) от многочислиа народного».

Равновесие было поколеблено в XVIII веке, когда в Россию хлынули потоки иностранцев, и

они «... водворили пороки, для которых из своего отечества были изгнаны». В свою очередь развращенные и тщеславные ученые «...для прославления себя, а более для отмщения власти правительственной, предприняли возобладать мнениями людскими, коими люди содержатся в обществе и управляются более, нежели властью и законами, и Россию, по важности ее и по ложным мнениям, сыскания отличия, в подражании всему чужеземному, предложили предметом труда особенного» (§ 13). Зловредные ученые подрывали веру, основания семейных и гражданских союзов под предлогом «истребления предрассудков, суеверия и возвращения естественной свободы разуму». Этот яд проник в высшие сословия, имеющие средства к роскоши. «При сем расслаблении умов нечестивейшие из сих просветителей составили тайные общества под именем изыскания сокровенной премудрости и распространения блаженства в человеческом роде», что привлекло к ним неокрепшие молодые умы (§ 17).

Философы объявили тиранией любое правление, кроме правления мудрейших, вследствие чего «...род человеческий и управляем быть должен по сему кругу земному единообразными законами и иметь одного правителя, по великой их науке образованного» (§ 19). Для достижения цели «...под созиданием Аллегорического храма премудрости образуемым, соединились они с верховными ложами вольных каменщиков. И тогда по направлению своему, обращая орудием последних, наполнили собою все кабинеты государей, сенаты, лицеи, воинские и гражданские места презрителями веры, ненавистниками законов, предателями государей и своих отечеств; ...». Успехам способствовало то, что «...в их уложении все сии гнусные свойства и недостойные имени человека предательские и зверские дела, хотя бы против своих родителей, а не только против государства или государя, почтенны средства к достижению великого намерения о преобразовании рода человеческого; и суть таковыми же добродетелями, каковыми в христианстве [являются] любовь, верность и милосердие» (§ 20).

Заговорщики, стремившиеся все народы сделать «равными в рабстве и в бедности», разоблачили себя в 1792 г. (свержением французской монархии?). Робеспьер и Марат как вожди Якобинского клуба, Директория как ареопаг зловредных мудрецов, консул и император Наполеон – это одна и та же власть под разными именами, несущая цепи народам. Россию ждет особенно жестокая судьба, поскольку Наполеон дал клятву в «тайном обществе всемирных властителей» погубить ее, однако есть

еще много способов к спасению не только самих себя, но и всей Европы (§ 23). Вполне очевидно, что конспирология Полева была вдохновлена проповедями «Русского вестника», но в более широком контексте она являлась одной из модификаций распространившейся после Революции «теории заговора» [30–32].

Для спасения России, считал Полев, необходимо «совокупить мнения [общества]... с мнениями всего народа», держаться «веры поселян», незараженных учениями «адептов» («оскорбления» веры и отклонения от нее следует сурово наказывать)⁹, и искоренять все чужеземное, изображая наполеоновскую Францию враждебной самому институту семьи. Переход к народной монархии, и это один из вариантов адаптации к новым условиям, по мнению Полева, требовал отказа помещиков от части своих «выгод», запрета торговли крепостными, сокращения податей, создания дворянского и народного ополчения [25, ч. 7, л. 10–12]. Предложенные рецепты лечения были дополнительно конкретизированы в отдельном разделе записки от 9 марта 1811 г. на имя Волконского. Он называется «внутренняя оборона» [25, ч. 6, л. 3 об. – 4 об.]:

«1. Внутри государства воспрепятствовать всему тому, что отводит народ от коренных их нравов; и распространяет между оным мнения в пользу неприятеля.

2. С крайней осторожностью и рассмотрением употреблять к отправлению всех должностей, а паче важных; каковыми суть кабинетные и военные, не только чужестранцев, но и своих одородцев, естли они преданы мнениям и обычаям чужестранным и от своих отвращаются.

3. Совсем сблизить себя, сколько возможно с мнениями народа, облегчая его нужды свободю торговли, которая выгоды жизни умножит.

4. Внушить владельцам, чтоб отреклись от торговли людьми и почитали б их наравне с собою принадлежащими государству, и только по житию на их землях, вверенных их управлению, [зависимыми]». В противном случае автор предрекал России внутреннее возмущение, возбужденное неприятелем во время войны.

Кроме того, необходимо внушать народу ненависть к врагу, «... представить ему сего неприятеля в истинной его черноте: то есть приившим потребить Божеские и человеческие законы... врагом всех государей... врагом всякого общества, даже и самых их семейств; и которой, победив русских, повлечет их по всей вселенной; и кровию их покорять будет народы и царства, рассыпая кости наши по лицу земли».

В примечании, оправдывая эти усилия, Полев указывал на тотальный характер войны с Наполеоном: «Однако же, когда неприятель все употребил, чем только можно преодолеть нас, войну и мир, пушки и книги, солдат и профессоров, учителей и наставников, купцов, слуг и скоморохов, мужчин и женщин, то и нам все средства до единого должно употребить к обороне своей» [25, ч. 6, л. 18 об.].

Следовательно, оборотной стороной в конструировании «народной войны» [34] была конструкция мирового заговора, направленного на унификацию различий и подчинение универсальным абстракциям философов-просветителей с их идеей правления Разума. Консервативные построения, разумеется, не были только бунтом против универсализма, но и реакцией на новое качество социальной и политической динамики, поскольку Революция и последовавшие за ней европейские войны способствовали невиданной ранее мобилизации масс.

Примечания

1. Автор настоящей статьи допускает широкое толкование «наполеоновских войн» в контексте с Революцией и войнами, порожденными ею, как эпохи турбулентного перехода на всех уровнях, как минимум европейского ареала миросистемы. См. подробнее: [4].

2. Названы лишь некоторые наиболее свежие монографии. Этим исследованиям предшествовала книга зарубежного автора [14].

3. Другим вариантом ограничения термина является указание на литературные ресурсы националистической риторики [18].

4. Впрочем, консерваторы вроде Шишкова, ставшего статс-секретарем Александра I, автором его манифестов 1812 г., и Ростопчина — московского генерал-губернатора, не были единственным кадровым резервом правительства в пропагандистской «войне перьев». См.: [19–20].

5. Впервые этот персонаж стал героем исторического исследования у И.С. Достян [23, с. 81–93]. См. также: [24, с. 347–349; 4, с. 22–25].

6. В декабре 1811 г. в поднесенном, по-видимому, во время аудиенции у Александра I плане военных действий по организации «адриатической экспедиции» (он снабжен картами и переплетен) Полев поместил список своих сочинений, включающий 17 позиций: 1) Святовид, славянская повесть, 2) Разговор Святовидова с военачальником его Владиславом (обе – 1806 г.); 3) Естество внушает нам оборону, 4) Дополнение по одной части, 5) Глас русского народа (три – в 1808 г.); 6) Государь и народ, 7) Слава русских государей и русского народа, 8) Дух русских или соединение в конечной обороне, 9) Сокращение одной части, 10) Выпись одной части, 11) Извет по советам, 12) Воззвание к племенам славянским, 13) Лаокоон на Руси, 14) План войны против фран-

цузов, 15) Инструкция для русских офицеров Генерального штаба, 16) Рассуждение об учреждении военной линии против французов, 17) О преимуществе русских государей и русского народа (все остальные начиная с шестой – в 1809–1811 гг.) [25, ч. 1, л. 12].

7. Портрет Полева сохранился в записках Д.И. Свербеева: «Я помню эту какую-то загадочную фигуру, тощую, желто-белую, его судорожные телодвижения, его выношенные одеяния, то военный потертый сюртук, то белый, испачканный кавалеристский мундир. Речь его поражала меня, мальчика, столько же, как и его славянизм, разгоревшийся до угара, но еще не достигший тогда прозвания славянофильства. Проекты его писаны были самым высоким слогом, испещрены текстами библейских и апокалипсических пророчеств и звучали, как позлащенная в горниле медь, церковными выражениями. Помню, что на каждой странице были какие-то точки и ряд восклицательных знаков. Бедный мечтатель, а чего доброго может и преждевременный глубокий политик, Полев постоянно жаловался, что на его великие замыслы никто не обращает внимания, что влиятельные лица того времени как в Петербурге, так и в Москве после первого свидания преграждали ему свободный к себе доступ и, казалось ему, да чуть ли и не справедливо, считали его помешанным» [26, с. 458]. Любопытны колебания автора воспоминаний в оценке Полева: от «глубокого политика» до «помешанного».

8. Цит. по: «Приношение» Александру I от 14 сентября 1810 г. О модели расширенного родства и семейных метафорах в творчестве С.Н. Глинки см.: [28–29].

9. Акцент на вере и противопоставление ей врага вполне соответствовали народным представлениям [33].

Список литературы

1. Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии. Материалы «круглого стола» // Французский ежегодник. 2011: Франкоязычные губернаторы в Европе XVII–XIX вв. / Под ред. А.В. Чудинова и В.С. Ржеуцкого. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 348–392.

2. Французский ежегодник. 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память / Под ред. А.В. Чудинова. М.: ИВИ РАН, 2013. 416 с.

3. Шеин А.Б. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: РОССПЭН, 2013. 462 с.

4. Белов М.В. Проект «адриатической экспедиции» 1812 г. в контексте «наполеоновских войн» // Русский сборник: исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XIII. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 7–26.

5. Сироткин В.Г. Наполеоновская «война перьев» против России // Новая и новейшая история. 1981. № 1. С. 137–152.

6. Сироткин В.Г. Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея. К 175-летию

Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. М., 1988. С. 222–242.

7. Кондратенко А.И. «Листки воспламенительной силы» (Литературное участие Ф.В. Ростопчина в информационной войне с Наполеоном) // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года: Сборник научных статей / Отв. ред. С. В. Денисенко. СПб. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. С. 71–81.

8. Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: У основания консерватизма и национализма в России. Воронеж: ИД «Китеж», 2007. 264 с.

9. Овчинников Г.Д. «Чего лучше быть русским?»: граф Ф.В. Ростопчин – литератор. Владимир: Транзит-Икс, 2008. 183 с.

10. Мирзоев Е.Б. С.Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России. М.: Институт бизнеса и политики, 2010. 164 с.

11. Минаков Ю.В. Русский консерватизм в первой четверти XIX века: Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. 560 с.

12. Лупарева Н.Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж: Новый взгляд, 2012. 216 с.

13. Егерев Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX в. М.: Новый хронограф, 2014. 416 с.

14. Martin A.M. *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the reign of Alexander I*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997. 294 p.

15. Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи / Е.А. Вишленкова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. 188 с.

16. Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб.: Нестор, 1998. 225 с.

17. Минаков А.Ю. Русская партия в первой четверти XIX века. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 528 с.

18. Живов В. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. № 91. С. 114–140.

19. Лотман Ю.М. Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. Сб. статей. М., 1962. С. 215–232.

20. Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967. 220 с.

21. Ростопчин Ф.В. «Ох, французы!» / Сост. и прим. Г.Д. Овчинникова. М.: Русская книга, 1992.

22. Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 448 с.

23. Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М.: Наука, 1980. 328 с.

24. Казаков Н.И. Проект адриатической экспедиции П.В. Чичагова // Югословенские земли и Русия за време Првог српског устанка 1804–1813. Београд, 1983. С. 341–353.

25. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16 (1). Д. 431.

26. Свербеев Д.И. Записки. Т. 1–2. М., 1899. 534 с.

27. Лотман Ю.М. Архаисты-просветители // Он же. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 198–210.

28. Martin A.M. The Family Model of Society and Russian National Identity in Sergei N. Glinka's Russian Messenger (1808–1812) // Slavic Review. 1998. Vol. 57. № 1. P. 28–49.

29. Мартин А. Патриархальная модель общества и русская национальная самобытность в «Русском Вестнике» Сергея Николаевича Глинки // Консерватизм в России и мире. Ч. 1. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. С. 85–116.

30. Смит Д. У истоков русской масонофобии // Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадов. М.: ОГИ, 2005. С. 80–101.

References

1. Otechestvennaya vojna 1812 g.: aktual'nye voprosy sovremennoj istoriografii. Materialy «kruglogo stola» // Francuzskij ezhegodnik. 2011: Frankoyazychnye guvernery v Evrope XVII–XIX vv. / Pod red. A.V. Chudinova i V.S. Rzhueckogo. M.: IVI RAN, 2011. S. 348–392.

2. Francuzskij ezhegodnik. 2013. «Russkaya kampaniya» Napoleona: sobytiya, obrazy, pamyat' / Pod red. A.V. Chudinova. M.: IVI RAN, 2013. 416 s.

3. Shein A.B. Vojna 1812 goda v otechestvennoj istoriografii. M.: ROSSPEHN, 2013. 462 s.

4. Belov M.V. Proekt «adriaticheskoj ehkspedicii» 1812 g. v kontekste «napoleonovskih vojn» // Russkij sbornik: issledovaniya po istorii Rossii / Red.-sost. O.R. Ajrapetov, Miroslav Jovanovich, M.A. Kolerov, Bryus Menning, Pol Chejsti. T. XIII. M.: Izdatel'skij dom «Regnum», 2012. S. 7–26.

5. Sirotkin V.G. Napoleonovskaya «vojna per'ev» protiv Rossii // Novaya i novejšaya istoriya. 1981. № 1. S. 137–152.

6. Sirotkin V.G. Oficijznaya voenno-politicheskaya publicistika Francii i Rossii v 1804–1815 gg. // Bessmertnaya ehpopeya. K 175-letiyu Otechestvennoj vojny 1812 g. i Osvoboditel'noj vojny 1813 g. v Germanii. M., 1988. S. 222–242.

7. Kondratenko A.I. «Listki vosplamenitel'noj sily» (Literaturnoe uchastie F.V. Rostopchina v informacionnoj vojne s Napoleonom) // Realii i legendy Otechestvennoj vojny 1812 goda: Sbornik nauchnyh statej / Otv. red. S. V. Denisenko. SPb. – Tver': Izd-vo Mariny Batasovoj, 2012. S. 71–81.

8. Meshcheryakova A.O. F.V. Rostopchin: U osnovaniya konservatizma i nacionalizma v Rossii. Voronezh: ID «Kitez», 2007. 264 s.

31. Чудинов А.В. Французская революция. История и мифы. М.: Наука, 2007. С. 139–176.

32. Рогалла фон Биберштейн Й. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова,

NAPOLEONIC WARS SEEN FROM THE RIGHT-WING PERSPECTIVE (PROVINCIAL ACTIVIST ALEXANDER POLEV)

M.V. Belov

The judgments of provincial activist Alexander Polev on the eve of 1812 reveal the views of some early Russian conservatives in a grotesque manner. The reverse side in the construction of a «people's war» was the construction of a global conspiracy aimed at blurring distinctions and subordination to Enlightenment philosophers' universal abstractions. Ghosts of total war, in turn, impelled some politicians to populism for the sake of general mobilization.

Keywords: Napoleonic Wars, early Russian conservatives, conspiracy theory, Alexander Polev.

2010. 400 с.

33. Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 336–365.

34. Парсамов В.С. Конструирование идеи народной войны в 1812 году // Новое литературное обозрение. 2012. № 118. С. 69–95.

9. Ovchinnikov G.D. «Chego luchshe byt' russkim?»: graf F.V. Rostopchin – literator. Vladimir: Tranzit-Iks, 2008. 183 s.

10. Mirzoev E.B. S.N. Glinka protiv napoleonovskoj Francii. U istokov konservativno-nacionalisticheskoy ideologii v Rossii. M.: Institut biznesa i politiki, 2010. 164 s.

11. Minakov Yu.V. Russkij konservatizm v pervoj chetverti XIX veka: Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. 560 s.

12. Lupareva N.N. «Otechestvoljubec»: obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' i vzglyady Sergeya Nikolaevicha Glinki. Voronezh: Novyj vzglyad, 2012. 216 s.

13. Egereva T.A. Russkie konservatory v sociokul'turnom kontekste ehpoi konca XVIII – pervoj chetverti XIX v. M.: Novyj hronograf, 2014. 416 s.

14. Martin A.M. Romanticism, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the reign of Alexander I. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997. 294 p.

15. Vishlenkova E.A. Religioznaya politika: oficial'nyj kurs i «obshchee mnenie» Rossii Aleksandrovskej ehpoi / E.A. Vishlenkova. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1997. 188 s.

16. Kondakov Yu.E. Duhovno-religioznaya politika Aleksandra I i russkaya pravoslavnaya oppozitsiya (1801–1825). SPb.: Nestor, 1998. 225 s.

17. Minakov A.Yu. Russkaya partiya v pervoj chetverti XIX veka. M.: Institut russkoj civilizatsii, 2013. 528 s.

18. Zhivov V. Chuvstvitel'nyj nacionalizm: Karamzin, Rostopchin, nacional'nyj suverenitet i poiski nacional'noj identichnosti // Novoe literaturnoe obozrenie. № 91. S. 114–140.

19. Lotman Yu.M. Pohodnaya tipografiya shtaba Kutuzova i ee deyatel'nost' // 1812 god: K 150-letiyu Otechestvennoj vojny. Sb. statej. M., 1962. S. 215–232.

20. Tartakovskij A.G. Voennaya publicistika 1812 goda. M., 1967. 220 s.

21. Rostopchin F.V. «Oh, francuzy!» / Sost. i prim. G.D. Ovchinnikova. M.: Russkaya kniga, 1992.
22. Al'tshuller M. Beseda lyubitelej russkogo slova: U istokov russkogo slavyanofil'stva. Izd. 2-e, dop. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 448 s.
23. Dostyan I.S. Russkaya obshchestvennaya mysl' i balkanskiye narody. Ot Radishcheva do dekabristov. M.: Nauka, 1980. 328 s.
24. Kazakov N.I. Proekt adriaticheskoj ehkspedicii P.V. Chichagova // Jugoslovenske zemlje i Rusija za vreme Prvog srpskog ustanka 1804–1813. Beograd, 1983. S. 341–353.
25. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. F. 846 (VUA). Op. 16 (1). D. 431.
26. Sverbeev D.I. Zapiski. T. 1–2. M., 1899. 534 s.
27. Lotman Yu.M. Arhaisty-prosvetiteli // On zhe. O russkoj literature. Stat'i i issledovaniya (1958–1993). SPb., 1997. S. 198–210.
28. Martin A.M. The Family Model of Society and Russian National Identity in Sergei N. Glinka's Russian Messenger (1808–1812) // Slavic Review. 1998. Vol. 57. № 1. P. 28–49.
29. Martin A. Patriarhal'naya model' obshchestva i russkaya nacional'naya samobytnost' v «Russkom Vest-nike» Sergeya Nikolaevicha Glinki // Konservatizm v Rossii i mire. Ch. 1. Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, 2004. S. 85–116.
30. Smit D. U istokov russkoj masonofobii // Obraz vraga / Sost. L. Gudkov; red. N. Konradov. M.: OGI, 2005. S. 80–101.
31. Chudinov A.V. Francuzskaya revolyuciya. Istorija i mify. M.: Nauka, 2007. S. 139–176.
32. Rogalla fon Bibershtejn J. Mif o zagovore. Filosofiy, masony, evrei, liberaly i socialisty v roli zagovorshchikov. SPb.: Izd-vo im. N.I. Novikova, 2010. 400 s.
33. Chudinov A.V. S kem voeval russkij muzhik v 1812 godu? Obraz vraga v massovom soznanii // Francuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij yubilej Otechestvennoj vojny 1812 goda. M.: IVI RAN, 2012. S. 336–365.
34. Parsamov V.S. Konstruirovaniye idei narodnoj vojny v 1812 godu // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 118. S. 69–95.